

Цинь Кэ приехал за ним. Сразу же, едва вернувшись в страну — в самый разгар неистового тайфуна, под стеной проливного дождя.

Дуань Цунчжи закрыл глаза. Вода хлестала по лицу, но он был в объятиях Цинь Кэ, и ровный, глухой стук чужого сердца отдавался прямо в ушах. И всё же казалось, будто он спит.

— Ты... — он хотел спросить, понимает ли Цинь Кэ, как опасно было ехать в такую бурю, но слова застряли в горле.

Цинь Кэ неловко, успокаивающе похлопал его по спине:

— Не бойся.

И Дуань Цунчжи замолчал.

Оказывается, он действительно боялся. До дрожи боялся потерять Цинь Кэ — хотя тот никогда ему и не принадлежал.

Дуань Цунчжи весь дрожал от холода.

— Идём в дом, — негромко бросил Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи нехотя разомкнул объятия. Цинь Кэ открыл заднюю дверцу машины, и только тогда юноша понял, что за рулём сидел сам Третий господин. Он ведь только что выбрался с водительского места, в то время как водитель, дядя Дин, ютился на пассажирском сиденье рядом.

— Третий господин, молодой господин Дуань, — неловко поприветствовал их дядя Дин. Голос его звучал натянуто.

Дуань Цунчжи кивнул в ответ. Заметив, что старик чувствует себя не в своей тарелке, он спросил:

— Дядя Дин, что случилось?

Цинь Кэ умел водить всё — от автомобилей до вертолёт и катеров, однако разительно отличался от типичных золотых мальчиков. Развлечения его не прельщали. Он слишком рано возглавил семью Цинь, его окружение составляли солидные мужчины за сорок, и сам он в итоге перенял их привычки. Всюду его возили личные водители, работавшие посменно, а собственные права пылились без дела. Без крайней нужды он за руль не садился. И сегодняшнему исключению наверняка была веская причина.

Старик вздохнул с кроткой обречённостью:

— Третий господин посчитал, что я слишком утомился, чтобы вести машину в такую непогоду.

Поэтому повёл сам. В этом был весь Цинь Кэ.

Он всегда всё просчитывал до мелочей. Раз решился ехать в ливень, значит, был твёрдо уверен, что справится. Дорога до места просто заняла чуть больше времени, обошлось без происшествий.

Но вести машину сквозь стену дождя по извилистому горному серпантину — адский труд, требующий предельной концентрации. В таких условиях сесть за руль самому действительно было самым разумным решением.

В салоне нашлось сухое полотенце. Дуань Цунчжи принялся небрежно вытирать волосы. Он слишком долго бежал под дождём: ледяные струи вытянули из него всё тепло. Пока он двигался, холод не ощущался, но стоило замереть и отстраниться от согревавшего его тела, как озноб накатил с новой силой.

Его затрясло.

В машине работал климат-контроль, поддерживая комфортную температуру, но тёплый воздух, обдувая мокрую одежду, казался ледяным сквозняком.

Дуань Цунчжи молча выключил кондиционер. В ту же секунду взгляд Цинь Кэ отразился в зеркале заднего вида. Юноша поймал его, их глаза встретились на мгновение, после чего оба невозмутимо отвернулись.

Цинь Кэ величаво и расслабленно откинулся на спинку кресла, полностью сосредоточившись на дороге. За весь путь он не проронил ни слова, за исключением коротких вопросов о направлении на развилках.

Машина остановилась у ворот усадьбы. Калитка была распахнута настежь. Ху Сюйцзэ стоял под навесом крыльца и напряжённо всматривался в пелену дождя. Увидев, что Дуань Цунчжи вернулся не один, он молча развернулся и ушёл в дом.

Чжоу Цюань хлопотал на кухне в соседнем флигеле — похоже, он даже не заметил отсутствия хозяина.

Зонты лежали в багажнике, но Дуань Цунчжи и Цинь Кэ вымокли до нитки, так что укрываться от дождя теперь было бессмысленно. Единственным сухим человеком в машине оставался дядя Дин. Естественно, он не стал ждать, пока хозяин побежит доставать ему зонт, и быстро выскочил из салона, как только колёса замерли.

Вся роскошная обивка дорогущего лимузина за пару десятков миллионов юаней теперь шла водяными разводами. Одно только восстановление салона обойдётся в целое состояние. Дядя Дин по привычке потянулся за тряпкой, намереваясь протереть сиденья, но Цинь Кэ негромко остановил его:

— Слишком сильный ливень. Иди в дом.

Оказавшись на сухой террасе бок о бок с Цинь Кэ, Дуань Цунчжи наконец ощутил, как удушливая тревога отпускает его.

Он повёл гостя в свои покои и на ходу негромко спросил, чуть повернув голову:

— Останешься на ночь у меня?

Цинь Кэ молча кивнул в знак согласия.

Уголки губ Дуань Цунчжи дрогнули в едва заметной улыбке. Он прекрасно понимал: предложи он устроиться в другой комнате, Третий господин согласился бы без колебаний. Цинь Кэ никогда не придавал значения подобным мелочам.

Но у Дуань Цунчжи был свой корыстный интерес. Он знал характер этого человека, потому и задал вопрос именно так.

Если бы у ворот Цинь Кэ просто позволил обнять себя, Дуань Цунчжи, преодолевая желание, подготовил бы для него отдельную гостевую комнату. Но то робкое, неумелое, но всё же ответное объятие задело самые глубокие струны его души.

В его голове затеплилась робкая надежда. Он не смел спросить напрямую, не смел требовать подтверждений — до смерти боялся разочарования, но сладкое предвкушение уже кружило голову. Точно ласковый котёнок, он осторожно потянул лапку к пушистому клубку, который так ему нравился.

И клубок не укатился прочь. Под его несмелым касанием он едва заметно подался навстречу.

Достав из шкафа два чистых банных халата, Дуань Цунчжи протянул один мужчине:

— Другого нет. Придётся потесниться, Третий господин. Как только ливень стихнет, я велю Чжоу Цюаню купить что-нибудь подходящее.

Он протянул халат, ожидая, что гость сразу пойдёт смыть дорожную грязь, но Цинь Кэ покачал головой:

— Сначала ты.

Дуань Цунчжи бросил на него короткий взгляд и не стал спорить.

Дуань Цунчжи вымылся на удивление быстро. Горячие струи разогнали кровь, возвращая телу блаженное тепло. Он даже не прикоснулся к гелю для душа — лишь наспех намылил голову шампунем, смыл пену, накинул халат и вышел в спальню.

Цинь Кэ по-прежнему ждал его.

Дверь осталась приоткрытой, выпуская клубы влажного пара. Цинь Кэ не спешил. Он выждал пару минут и скользнул внутрь лишь тогда, когда Дуань Цунчжи устроился в плетёном кресле и с шумом включил фен.

Стоило защёлкнуться замку, как юноша тут же опустил руку с прибором и замер, не сводя глаз с матовой двери. Фен какое-то время ревел вхолостую, обжигая ладонь, пока Дуань Цунчжи не опомнился и не вернулся к прерванному занятию.

Что за нелепое волнение?

Это было совсем не то удушливое беспокойство, что терзало его перед звонком секретаря Чэна. Сейчас им владело чистое, звенящее напряжение. А ещё нестерпимо хотелось пить — во рту внезапно пересохло.

Он поднялся, взял пустой чайник и застыл. Единственный кран находился за той самой дверью.

За окном стоял глухой день, но из-за грозowych туч в комнате царил полумрак, рождавший томительную иллюзию: будто сейчас Третий господин выйдет из душа, и они тотчас улягутся в постель.

Шум воды усыплял бдительность. В сознании Дуань Цунчжи против воли всплыл образ промокшего до нитки Цинь Кэ: тонкая ткань чёрной рубашки, облепившая сильное тело, рельефные очертания плеч и груди...

Кадык Дуань Цунчжи судорожно дёрнулся. Жажда стала почти невыносимой.

Стоило двери приоткрыться, как он решительно шагнул внутрь с чайником в руках — и тут же мысленно проклял себя за глупость. Ванная была полна горячего, удушливого тумана.

Он открыл кран, подставив горлышко под струю. Дуань Цунчжи тупо гипнотизировал бегущую воду, пока его мысли витали совсем в другом месте. Влажный воздух донёс до него едва

уловимый аромат кожи Цинь Кэ — тонкий, едва различимый сквозь резкую ноту лимонного мыла. Стоило попытаться вдохнуть его глубже, как он бесследно исчезал.

Этот призрак чужого присутствия дразнил и лишал покоя.

Чжоу Цюань, безвылазно дежуривший на кухне, узнал о приезде гостя лишь тогда, когда столкнулся с водителем. Дядя Дин мимоходом обмолвил, что господа с самого утра маковой росинки во рту не держали, и повар из кожи вон вылез, чтобы успеть накрыть на стол к шести часам вечера.

Прошло уже несколько дней, но парень по-прежнему держался с Дуань Цунчжи крайне настороженно. Даже теперь, в присутствии грозного Третьего господина, он первым делом испуганно глядел на своего непосредственного нанимателя.

Дуань Цунчжи едва сдерживал усмешку. Нанимаясь к нему на службу, Чжоу Цюань наверняка навёл справки среди прислуги поместья Цинь. И чего же он там наслушался?

Репутация у Сяо Дуаня, прямо скажем, была сомнительной. Когда его только привезли в Поместье Цинь, на сироту никто не обращал внимания — ни хорошего, ни плохого. Но к его шестнадцатилетию большинство старых воспитанников разъехались, усадьба опустела, и Дуань Цунчжи оказался у всех на виду.

Люди в поместье вряд ли опускались до откровенной клеветы, но даже сухих фактов о его прошлом хватило бы, чтобы у Чжоу Цюаня разыгралось воображение.

Школа, в которую Дуань Цунчжи устроили после переезда, была из тех закрытых элитных заведений, где на одного преподавателя приходилось от силы три ученика, а в классах сидели сплошь наследники влиятельных династий и нуворишей.

Ещё в средней школе он клятвенно просил перевести его в другое место, но Цинь Кэ отказал. С тех пор Дуань Цунчжи принялся планомерно крушить школьную дисциплину.

Впрочем, его невыносимый нрав был целиком и полностью заслугой самого Цинь Кэ, потакавшего любым капризам.

Поначалу, когда одноклассники пытались строить ему мелкие пакости, он устранял проблемы без лишнего шума.

Учителя там умели читать лекции, но закрывали глаза на реальное положение дел. Они, конечно, радели на словах о душевном здоровье подопечных, но против авторитета влиятельных семей пойти не решались. В некоторые конфликты они попросту не смели

вмешиваться.

На уроках детки изображали примерное почтение, но авторитет богатеньких заводил в классе весил куда больше мнения любого педагога.

Дуань Цунчжи быстро осознал, что эти избалованные отпрыски куда опаснее обитателей поместья Цинь. Дома слуги и родственники оглядывались на главу семьи, в школе же имя Цинь Кэ тоже внушало трепет, но самого покровителя рядом не было.

К тому же глупо привлекать взрослого мужчину к детским разборкам — вмешайся тогда Цинь Кэ, Дуань Цунчжи со стыда бы сгорел перед сверстниками.

Терпение лопнуло, когда его в очередной раз заперли в туалете, подперев дверь шваброй. Дуань Цунчжи вышиб хлипкую перегородку пинком ноги, дождался, пока стихнет первый испуганный вскрик, и с грохотом захлопнул входную дверь на засов.

А затем методично избил всех четверых зачинщиков, решивших навалиться гурьбой. Бил жестоко, умышленно целясь в холёные лица.

Домой шутники вернулись с такими живописными синяками, что замять историю не удалось при всём желании. Разгневанные родители, ведя за собой побитых чад, явились с жалобой прямиком в Поместье Цинь.

Старого господина они не застали, зато их принял Цинь Кэ.

Он выслушал гостей в парадном зале. Визитёры были старше Цинь Кэ по возрасту, но по положению в обществе считались его ровесниками. Зная, с кем имеют дело, они сидели натянуто, как струны, и изливали свои обиды максимально вежливо и обтекаемо.

Цинь Кэ прервал их на полуслове:

— Я сам разрешил ему драться.

Жалобщики онемели от такой наглости. Цинь Кэ невозмутимо окинул их взглядом и холодно добавил:

— Повторю ещё раз: Цунчжи в этом доме никому и ничего не должен. И терпеть обиды он не станет.

Намёк был предельно ясен: ваши недоумки первые полезли к нему, так пусть теперь пеняют на себя. На шалости их детей семья Цинь закрывала глаза, но когда Дуань Цунчжи дал сдачи, за его спиной железной стеной встал Цинь Кэ.

Тогда тоже лил дождь.

Когда за гостями закрылась дверь, Цинь Кэ спросил, о чём парень думает. Тот угрюмо буркнул:

— В следующий раз отделаю их так, чтобы даже пикнуть дома побоялись.

Губы Цинь Кэ дрогнули в подобии улыбки:

— Ты мог пожаловаться мне до того, как они пришли жаловаться своим родителям.

— Пожаловаться? — Дуань Цунчжи язвительно хмыкнул. — И кому же? Тебе?

— Да.

Спустя минуту Дуань Цунчжи прищурился с подозрением:

— Ты сейчас на роль моего папочки напрашиваешься?

Шум ливня за окном сливался в сплошной, монотонный гул, и мысли в его голове путались, точно сорванные бурей нити.

Едва доставив ужин, Чжоу Цюань поспешно ретировался. Дуань Цунчжи задумчиво покусывал палочки для еды. Он до последнего не верил, что Цинь Кэ приедет за ним. Тем более — в такой безумный катаклизм. И уж подавно не мог вообразить, как Третий господин Цинь, всегда безупречный и грозный, будет сидеть в его скромной спальне, облачённый в чужой, слегка коротковатый халат, и ужинать на скорую руку. Это зрелище никак не вязалось с величием главы могущественного клана.

Точно так же, как и тогда, в юности... Он знал, что Цинь Кэ к нему равнодушен, но не ожидал, что тот открыто заявит посторонним людям: «Дуань Цунчжи — мой человек, и я за него в ответе».

Цинь Кэ всегда отличался ледяным самообладанием. Казалось, обычные человеческие страсти обходят его сторону, а эмоции притуплены на девяносто девять процентов. Его отец, старый господин Цинь, в молодости слыл отпетым гулякой и сибаритом, знавшим толк в удовольствиях. Уму непостижимо, как у такого человека вырос сын, больше похожий на бесстрастную каменную статую Будды.

За все прожитые рядом годы Дуань Цунчжи ни разу не видел, чтобы Цинь Кэ совершал

безрассудства.

Но сегодня, какие бы доводы ни приводил разум, погода оставалась слепой, неуправляемой стихией. Он пошёл на безумный, неоправданный риск. Оступился. Поддался порыву.

Ради него, Дуань Цунчжи.

<http://bllate.org/book/18330/1765584>